

Прогресс в достижении ЦУР 1. Шаг вперед – два назад в догоняющем развитии беднейших стран?

Меджидова Д.Д

Меджидова Джаннета Джамаловна — к.э.н., старший советник исполнительного директора, Группа Всемирного банка.

ORCID: 0000-0003-1063-3162

Для цитирования: Меджидова Д.Д. Прогресс в достижении ЦУР 1. Шаг вперед – два назад в догоняющем развитии беднейших стран? // Современная мировая экономика. Том 1. 2023. №3(3).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-6-26>

Ключевые слова: ЦУР, мировой финансовый кризис, ликвидация нищеты, коронакризис, догоняющее развитие.

Мнение, выраженное в данной публикации, является исключительно мнением автора. Оно не претендует на отражение мнений или взглядов Группы Всемирного банка или ее членов.

Аннотация

Цели устойчивого развития ООН были приняты в 2015 г., а их реализация предполагалась к 2030 г. Однако на середине пути, в 2023 г., успехи выглядят скромными, а нерешенные задачи требуют колоссальных усилий мирового сообщества в части консолидации и финансирования. Сложность реализации ЦУР во многом связана с изменившимися макроэкономическими условиями: мир сегодня далек от ожиданий мирового сообщества 8 лет назад. Вместе с тем именно в межкризисный период (2010–2019) оформилась повестка мирового развития, а также сформировались рамочные условия ее реализации. Данная работа посвящена сравнительному исследованию двух крупнейших кризисов последних лет и их последствий в контексте решения глобальных проблем на примере ЦУР 1 – ликвидация нищеты. Борьба с бедностью осложнена региональной спецификой и новыми внешними условиями: кризис глобального управления, рост суверенной задолженности, ужесточение денежно-кредитной политики развитых стран, недостаточный объем инвестиций, рост неравенства, а также приоритизация других целей при ограниченных финансовых возможностях мирового

сообщества. Все это ставит реализацию ЦУР 1 и «Повестки–2030» в целом под угрозу и в то же время создает условия для пересмотра текущей повестки мирового развития.

Введение

С начала XXI в. мы наблюдаем формирование и трансформацию повестки мирового развития: от Целей развития тысячелетия, принятых в 2000 г., до Целей устойчивого развития, принятых в 2015 г. Два «списка» наиболее важных глобальных проблем, от решения которых будет зависеть благополучие не только нынешнего, но и будущих поколений, были дополнены соглашениями в самых разных отраслях – от финансовой стабильности и долгового урегулирования до проблемы изменения климата.

До окончательной оценки успешности реализации поставленных мировым сообществом целей еще очень далеко. Но уже сегодня мы можем критически рассмотреть период с 2008 г. по 2021 г. Важность подобного анализа обоснована двумя факторами.

Во-первых, именно в этот отрезок времени была сформирована и формализована текущая повестка мирового развития, которая, как предполагалось, определит точки приложения более скоординированных усилий глобального сообщества. Основные ее положения сформировались к 2015 г. и включали в себя посткризисную финансовую архитектуру, определение новых глобальных задач – Целей устойчивого развития (ЦУР), а также актуализацию климатической проблемы (Парижское соглашение). В последующем мы наблюдали развитие и трансформацию этой повестки, ее адаптацию к новым условиям, в том числе в контексте кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Во-вторых, в 2008–2021 гг. менялся и мировой экономический ландшафт, рамочные условия, определяющие и ограничивающие возможность достижения поставленных целей. Так, макроэкономические условия существенно отличались от благоприятных условий первого десятилетия XXI в.: несмотря на низкие процентные ставки, рост глобальной экономики замедлился, обострились проблемы, связанные с глобальным управлением и определением приоритетов в условиях ограниченных ресурсов, направляемых на помощь развитию. В то же время промедление в решении глобальных вызовов приводит к дальнейшему ухудшению ситуации и увеличению спроса на ресурсы (прежде всего финансовые) в последующем.

К настоящему моменту накопился значительный объем литературы по оценке хода реализации «Повестки–2030». Критические статьи, оценивающие мировое развитие, как правило, предполагают оценку эффективности достижения тех или иных количественных показателей (наиболее значимым из которых является экономический рост) в отдельно взятых странах [Diep et al. 2020], регионах [Omisore 2018] или на глобальном уровне [Janoušková et al. 2018; Wu et al. 2022]. Ряд исследова-

ний посвящен перспективам реализации ЦУР – например, работа Crespo Cuaresma et al. (2018) о перспективах достижения показателей ЦУР 1. Довольно много внимания уделяется количественным оценкам вероятности успешного достижения ЦУР, в том числе с учетом коронакризиса [Babier, Burgess 2020]. Мы не ставим перед собой задачи выявления прогнозных показателей достижения успеха в рамках «Повестки–2030», а также определения причин и последствий реализации ЦУР.

Данное исследование представляет собой анализ специфики мирового развития в 2010–2021 гг., отдельных его направлений и факторов, оказавших на него влияние. Первая часть посвящена сравнительному изучению двух крупнейших кризисов последних десятилетий – мирового финансового кризиса и коронакризиса с позиций их влияния на повестку устойчивого развития. Вторая часть охватывает межкризисный период и критически оценивает проблемы, связанные с реализацией ЦУР, на примере ЦУР 1. Третья часть исследования является попыткой автора оценить влияние пандемии на прогресс в достижении глобальных целей и обрисовывает наиболее значимые факторы, замедляющие его.

1. Мировой финансовый кризис и пандемия COVID-19

Анализируемый в данном исследовании период (2010–2019) ограничен двумя крупнейшими кризисами с начала XXI века: мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. и кризисом, вызванным пандемией COVID-19 в 2020 г. Оба этих явления во многом определили формат или модель мирового развития и его динамику, а также выявили внутренние проблемы и противоречия, препятствующие достижению глобальных целей. Ввиду фундаментально разной природы двух кризисов представляется рациональным выявить некоторые сходства и различия между ними, чтобы определить специфику их влияния на борьбу с глобальными вызовами.

Несмотря на то что уже с 2005 г. наблюдалось значительное ухудшение ситуации на рынке субстандартного кредитования [Pajarskas, Joiene 2014. P. 95], кризис разразился только в 2007–2009 гг. Вслед за банкротством Lehman Brothers, которое стало поворотным моментом для финансовых рынков [Ivashina, Scharfstein 2010. P. 335], кризис на американском рынке ипотечного кредитования вылился в кризис всей мировой финансовой системы. К причинам его возникновения исследователи относят изменения в регулировании, слабость регулятивного надзора, снижение стандартов кредитования в период аномально низких процентных ставок [Bordo 2008].

Сегодня существует большой пласт исследований, анализирующих мировой финансовый кризис с разных позиций. Несмотря на наличие консенсуса о циклической природе кризиса, авторы выделяют и иные факторы, лежащие в основе его возникновения в таком масштабе. К примеру, Р. Шиллер обращает внимание на поведенческие особенности и иррационально принимаемые решения, которые оказывают значимое влияние на динамику развития рынков [Akerlof, Shiller 2010]. Вместе с тем само это «влияние» количественно определить крайне сложно. Другие исследователи, например Дж. Стиглиц, уделяют внимание не только факторам,

способствовавшим возникновению кризиса подобного масштаба, но и поведению финансовых властей для борьбы с ним, которое было направлено прежде всего на спасение крупных финансовых акторов под лозунгом «too big to fail» [Stiglitz 2009].

В стрессовой обстановке в ноябре 2008 г. «Группа 20» (G20) приняла декларацию¹ о причинах финансового кризиса («непоследовательная и недостаточно скоординированная макроэкономическая политика и неадекватные структурные реформы, приведшие к нестабильным глобальным макроэкономическим результатам») и о плане дальнейших шагов, направленных на укрепление финансовой системы, в том числе на повышение прозрачности и подотчетности, укрепление качественного регулирования, обеспечение согласованности финансовых рынков, реформирование международных финансовых организаций и др.

Одними из главных последствий финансового кризиса стали Базельские соглашения, которые были призваны «починить» мировую финансовую архитектуру, а также создание Совета по финансовой стабильности. Базель III предполагал в том числе изменения требований по базовому капиталу, специальным резервам финансовых организаций, к уровню левериджа и ликвидности [Подругина, Табах 2021. С. 282]. Этот документ лег в основу рамочного подхода крупнейших экономик мира к преодолению последствий кризиса и к перестройке финансовой архитектуры.

Кризис, наглядно демонстрирующий уязвимость экономической системы, является также возможностью для пересмотра доминирующей парадигмы. Так, мировой финансовый кризис мог стать отправной точкой для пересмотра отдельных подходов к развитию в части промышленной политики, опасностей, связанных с дальнейшей интеграцией, а также макроэкономической политики и ее регулирования [Rogers 2010]; радикального пересмотра позиций не произошло, что и предполагалось еще по окончании кризиса [McCulloch, Sumner 2009; Макаров, Макарова 2021].

Несмотря на то что уже в 2010 г. мировой ВВП вырос на 4,5% и превзошел докризисный уровень, в отдельных регионах (прежде всего в Европе) его это привело к затяжной рецессии. Последняя, в свою очередь, способствовала созданию новых и трансформации существующих институтов [Gocaj, Meunier 2013]. Борьбу финансовых властей со «слабыми местами» существовавшей системы можно назвать успешной: многие факторы, создавшие условия для финансового кризиса (особенно в банковском секторе), были устранены. Вместе с тем быстрого и эффективного решения других важных для мирового развития вопросов (прежде всего долговой проблемы в развивающихся странах) выработано не было.

Следующий кризис глобального масштаба произойдет только через 10 лет и не затронет финансовый сектор. Рецессия 2020 г. была вызвана внешним шоком – пандемией COVID-19, которая привела к сокращению мирового ВВП на 3,1% (по оценке Всемирного банка). Уникальность произошедшего кризиса проявлялась в трех его особенностях: экзогенности, создаваемой им неопределенности, а также в глобальной природе кризиса и синхронности входа стран в спад [Borio 2020. P. 181]. Кроме того, кризис 2020 г. разразился в фазу «назавершенного подъема» глобальной эконо-

¹ Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. November 15, 2008 // <http://www.g20.utoronto.ca/2008/2008declaration1115.html>

мики [Григорьев, Павлюшина, Музыченко 2020; Григорьев 2023]. Триггером новой рецессии стала угроза здравоохранению мирового масштаба. Пандемия привела к одновременным шокам на стороне спроса и предложения: остановка производства сопровождалась снижением потребительской активности [Buklemishev, 2020. P. 15–16]. Синхронность и охват введенных мер подготовили почву для формирования узких мест, которые и в дальнейшем будут тормозить мировое развитие, а меры поддержки населения и бизнеса создали предпосылки для будущей инфляции.

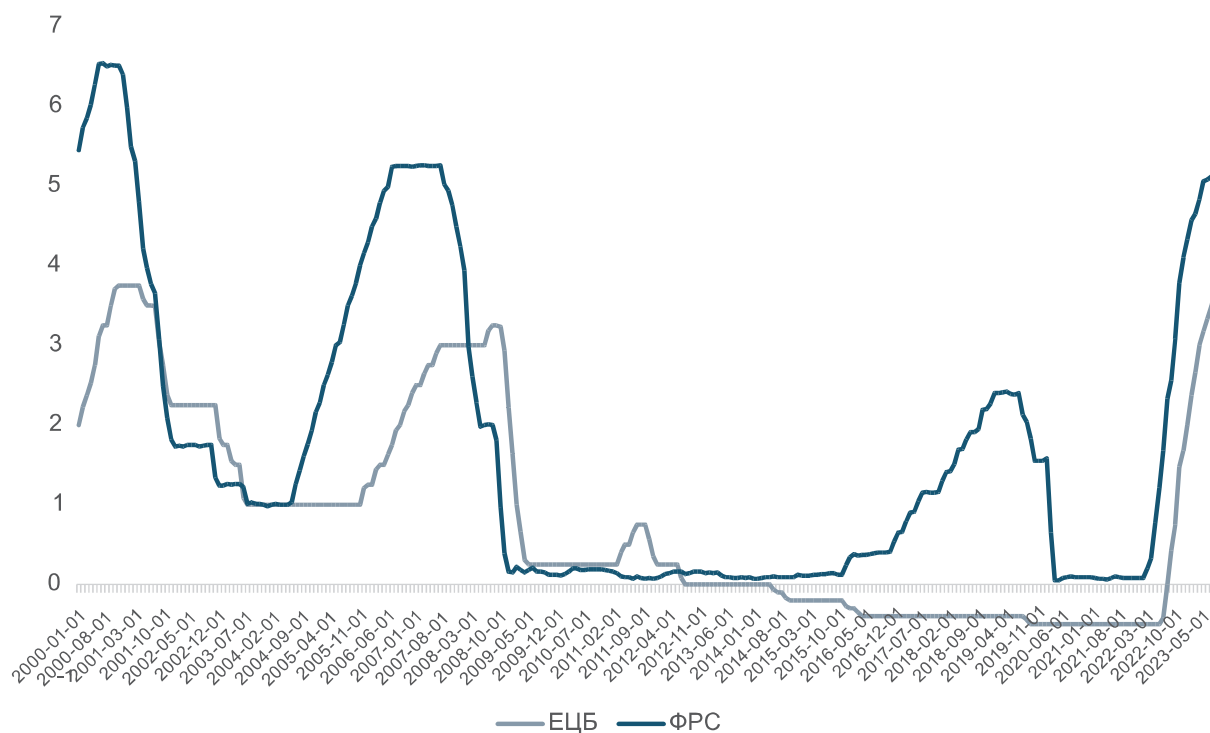

Рисунок 1. Ключевые ставки ЕЦБ и ФРС, 2000–2023 гг., %

Источник: FRED.

Подводя итог, мы можем выделить следующие ключевые различия между двумя крупнейшими кризисами XXI в. Во-первых, шок пандемии был экзогенным, в то время как мировой финансовый кризис произошел из-за существовавшего в системе дисбаланса. Во-вторых, как следствие, коронакризис не потребовал введения комплекса новых мер, регулирующих финансовый сектор. В-третьих, если кризис 2008–2009 гг. был циклическим, то новый кризис пришелся на фазу подъема, что значительно смягчило его последствия. Иными словами, несмотря на мрачные прогнозы в начале пандемии, сжатие ликвидности не наложило на повсеместные локдауны, и кризис практически не затронул финансовый сектор. В-четвертых, различались и сроки выхода из кризиса: в 2020 г. они были обусловлены эпидемиологической ситуацией в отдельных странах, принимающих решения об отмене карантинных мер или возобновлении туристических потоков, и в мире в целом. Наконец, введенные ограничения, замедлившие потребительский спрос, наряду с финансовой поддержкой со стороны государства привели к росту

накоплений в развитых странах, а также во многих странах с уровнем дохода выше среднего. В странах с высоким уровнем дохода (например, в США) кризисный период сопровождался ростом спроса на товары длительного пользования [Tauber, Van Zandweghe 2021], прежде всего в сфере развлечений [Григорьев и др. 2021], в других (например, в Китае) – на недвижимость.

Ввиду различной природы двух кризисов разной была и денежно-кредитная политика, направленная на купирование их последствий. В 2008–2009 гг. наблюдалось постепенное снижение ключевых ставок ЕЦБ и ФРС. Ставки снижались и в 2020 г., в начале коронакризиса, однако с 2022 г. наблюдается значительное их повышение, обусловленное необходимостью борьбы с резко возросшим уровнем инфляции. Отметим, что кризис 2020 г. произошел на фоне более низких ставок по сравнению с 2008 г. (см. рисунок 1 на с. 10) и более низких темпов роста мировой экономики и экономик развитых стран. Однако в развивающихся странах процентные ставки были далеки от низкого уровня США и ЕС, что сузило возможности фискального стимула [Loayza, Pennings 2020] и ограничило объемы поддержки населения и бизнеса.

2. Мировое развитие между двумя кризисами

Данное исследование посвящено проблемам мирового развития в промежутке между двумя крупнейшими кризисами XXI в. Несмотря на то что упомянутые кризисы имели фундаментально разную природу, и в 2009 г. и в 2020 г. сильнее пострадали страны с высоким уровнем дохода, где наблюдалось наиболее значимое сокращение ВВП (см. рисунок 2 на с. 11), что обусловлено влиянием обоих кризисов на сектор услуг. Темп роста ВВП группы экономик с низким уровнем доходов в 2020 г. был положительным (0,02%), несколько ниже темпа роста ВВП группы наименее развитых экономик (0,7%), однако и экономическое восстановление в 2021 г. в этих группах было менее выраженным – 1,78% и 1,93% соответственно.

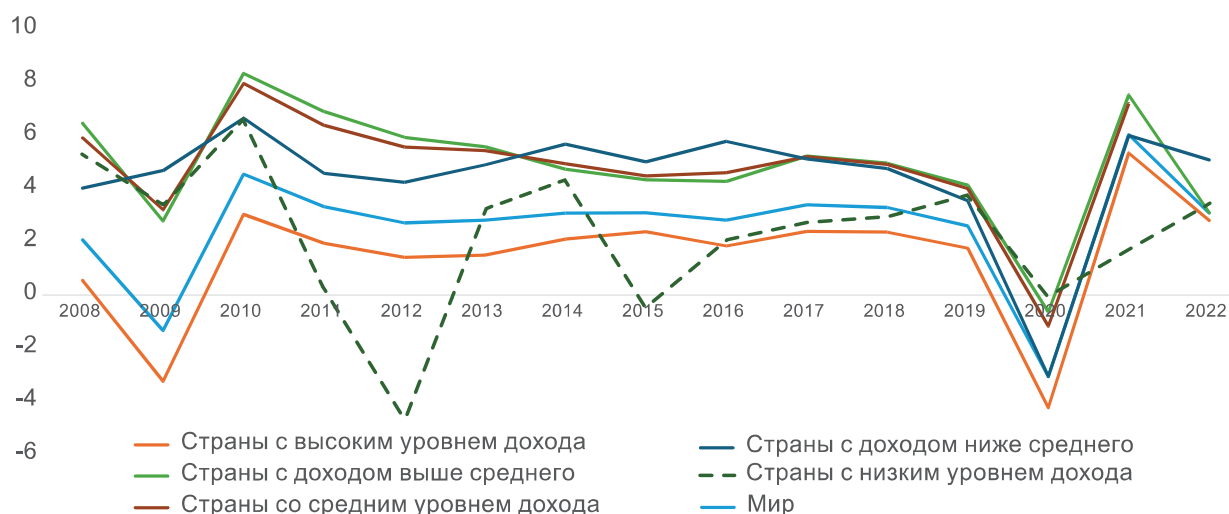

Рисунок 2. Прирост ВВП, 2008–2021 гг., %

Источник: Группа Всемирного банка.

Темпы роста мировой экономики в 2010–2019 гг. также были ниже, чем в предыдущее предкризисное десятилетие 2000–2008 гг. и даже в 1991–2000 гг. Кроме того, наблюдался процесс замедления темпов роста развитых экономик (прежде всего США и ЕС) при высоких темпах роста стран со средним уровнем дохода (особенно стран с доходом выше среднего). Экономический рост в первой декаде XXI в. в Китае и в Индии привел к росту доходов и сокращению бедности, что имело ключевое значение для достижения отдельных Целей развития тысячелетия ООН (ЦРТ). После мирового финансового кризиса также наблюдалось улучшение положения бедных слоев населения в развивающихся экономиках [Milanovic 2022]. Cabral и Castellanos-Sosa (2019) в своем исследовании приходят к выводу, что кризис 2009 г. привел к ожидаемой конвергенции и сокращению разрыва в ВВП на душу населения в Европе, как и предполагается в рамках неоклассической экономической модели [Barro, Sala-i-Martin 1992]. Однако подобные результаты свидетельствуют не об улучшении положения бедных слоев населения и стран, а скорее об ухудшении положения обеспеченных слоев и более богатых стран. Что касается конвергенции между развитыми и развивающимися странами, Johnson и Parageorgiou (2020) в своей работе демонстрируют, что в последние десятилетия, несмотря на высокие темпы роста развивающихся стран, фактического сближения между двумя группами не наблюдается за вычетом нескольких крупных азиатских экономик.

Ötker-Robe и Podpiera (2013) выделяют три основных канала трансмиссии финансового шока: 1) рынок труда (сокращение занятости, падение уровня зарплат), 2) финансовый рынок (сокращение инвестиций, кредитное сжатие), 3) частные и государственные стратегии реагирования (сокращение социальных выплат и расходов на социальные нужды, сокращение расходов домохозяйств, в том числе на здравоохранение и образование). Авторы также отмечают непропорциональное влияние кризиса на бедные слои населения (потеря рабочих мест, образовательная бедность, углубление гендерного неравенства и др.). Отметим, что в странах, где экономическая ситуация и до кризиса была непростой (медленный рост, структурные проблемы, высокий уровень безработицы, высокая задолженность), выбор антикризисного пакета мер сильно ограничен. Мировой финансовый кризис отбросил человечество назад и в части реализации глобальных целей по преодолению голода, сокращению бедности, решению проблем в сфере здравоохранения и др. Однако итоги реализации ЦРТ были довольно позитивными.

Вместе с тем последствия кризиса для отдельных наименее развитых стран (НРС) оказались несколько мягче первичных ожиданий в силу самой (финансовой) природы кризиса и меньшей интегрированности в мировую экономику [Audiguier 2012]. Важным фактором стал и предкризисный экономический рост, улучшивший общую ситуацию в странах. Наконец, объемы помощи развитию не сократились, предоставив необходимые ресурсы для антикризисных мер. Наиболее серьезным вызовом же стало сокращение глобального спроса.

В контексте глобального развития сложно переоценить важность кризисных явлений, особенно если речь идет о структурных, как это произошло в 2008 г., или о глубоких кризисах (рекордное падение ВВП в 2020 г.). Сокращение мирового ВВП, как правило, ведет к сокращению прямых иностранных инвестиций (ПИИ)

[Dornean, Oanea 2015], что, в свою очередь, отражается на темпах экономического развития стран. Кризис может выступить и триггером трансформации инвестиционных потоков [Stoddard, Noy 2015]. В 2008–2009 гг., по данным ЮНКТАД, объем ПИИ в мире сократился в совокупности на 38%, а докризисные объемы он превзошел только в 2015 г. В развитых странах в посткризисное десятилетие приток ПИИ так и не восстановился до уровня 2007 г., в то время как в развивающихся странах этот порог был преодолен уже в 2010 г. Влияние коронакризиса также было более ощутимым для развитых стран, где в 2020 г. наблюдалось падение показателя на 68% (в развивающихся странах – почти на 9%). Тем не менее объемы ПИИ распределены крайне неравномерно: так, в 2021 г. на США пришлось более 26% мирового объема ПИИ, а на африканские страны – всего 5,4% (см. рисунок 3 на с. 13).

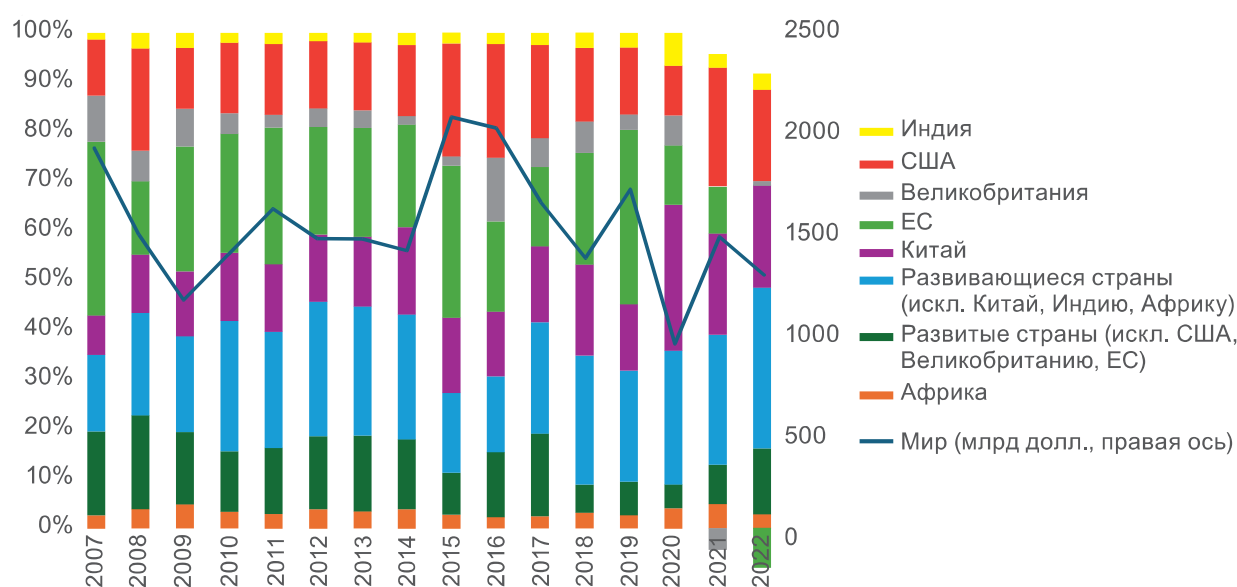

Рисунок 3. Структура притока прямых иностранных инвестиций, %

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Согласно существующим оценкам, для достижения ЦУР развивающимся странам требуется увеличение финансирования на 4 трлн долл. ежегодно [UNCTAD 2023b], что более чем в три раза превышает объемы ПИИ в мире в 2022 г. Межкризисный период, как мы уже отмечали, характеризовался низкими процентными ставками в развитых странах, в то время как восстановление после пандемии сопряжено с ужесточением денежно-кредитной политики центробанков развитых стран, что не способствует перенаправлению финансовых потоков из развитых стран в развивающиеся [Bitzenis, Vlachos 2016]. Таким образом, рецессии обостряют существующие экономические проблемы, способствуя как сокращению инвестиций в развивающиеся страны, так и ограничению доступа к финансовым рынкам для этой группы стран в связи с ухудшением кредитного рейтинга, увеличением задолженности, ростом стоимости заимствования в условиях высокого спроса на льготное финансирование.

3. Новый этап мирового развития: «Повестка-2030» и Парижское соглашение

Пересмотр повестки мирового развития стал не прямым следствием финансового кризиса, а скорее результатом отдельных событий, определивших ключевые подходы к решению глобальных проблем.

К определению проблем, решение которых требует усилий всего человечества, ООН подошла еще в начале XXI в. с появлением Целей развития тысячелетия (ЦРТ). Мировое сообщество установило 8 глобальных целей и определило период на 15 лет – до 2015 г. – для их реализации. В дальнейшем цели, индикаторы и повестка ЦРТ неоднократно критиковались по разным причинам: в связи с узостью подхода к оценке бедности (в расчет принимается только абсолютная бедность) и пренебрежением проблемой неравенства (как внутри страны, так и между странами), слишком широким охватом, расплывчатостью формулировок и заниженными целевыми индикаторами в отдельных вопросах [Saith 2006; Bhagwati 2010; Amin 2006; Оуа 2011; Fukuda-Parr 2010; Fukuda-Parr et al. 2013]. Тем не менее артикулирование ключевых мировых проблем, разработка индикаторов, отражающих прогресс в их решении, а также формирование повестки мирового развития в целом можно оценить положительно в контексте признания важности консолидации усилий для дальнейшего их решения.

В межкризисный период произошло несколько важнейших событий, наиболее значимыми из которых, в контексте этой работы, являются появление документа Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и принятие Парижского соглашения в 2015 г. Первый документ определял повестку мирового развития на ближайшие 15 лет, акцентируя внимание на 17 глобальных проблемах, от решения которых зависит благополучие всего человечества. Второй документ фокусировался на отдельно взятой проблеме глобального изменения климата, определяя в качестве цели сдерживание роста температуры в пределах 2°C при должных усилиях к сдерживанию температуры в пределах 1,5°C [United Nations 2015].

Климатическая повестка стала приоритетом для развитых стран и фундаментом для четвертого энергетического перехода [Макаров, Степанов 2018], во многом заслонив другие глобальные проблемы. Можно выделить следующие факторы, сопутствующие актуализации климатической повестки: 1) сокращение финансирования проектов в сфере добычи ископаемого топлива, которое наблюдалось до 2021 г., 2) активное развитие проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии, прежде всего с солнечной и ветровой электрогенерацией, 3) внедрение обязательств по сокращению выбросов парниковых газов (прежде всего углекислого газа) в Стратегии развития стран, 4) появление новых финансовых инструментов, связанных с климатическим финансированием (в том числе долговых), 5) развитие углеродных рынков и внедрение цены на углерод во многих странах, а также появления пограничного углеродного регулирования – сначала в ЕС.

Результаты оказались смешанными. Как показал кризис на газовом рынке ЕС, погодные аномалии способны оказать существенное влияние на электрогенерацию

с использованием возобновляемых источников энергии. В отсутствие дешевых и емких мощностей хранения энергии ископаемое топливо остается необходимым для обеспечения базовой нагрузки [Leonard et al. 2020], и полный отказ от него на глобальном уровне и даже на уровне развитых стран без дальнейших технологических новаций пока невозможен. К положительным следствиям стоит отнести не только активную перестройку структуры электрогенерации в развитых странах и Китае, сокращение эмиссии парниковых газов в ЕС (по сравнению с уровнями 1990 или 2005 гг.), а также развитие рынка электромобилей, но и медленное движение по направлению помощи развивающимся странам. Так, Партнерство по справедливому энергетическому переходу в 2021 г. обязалось оказать финансовую поддержку ЮАР в размере 8,5 млрд долл. для преодоления зависимости от ископаемого топлива (прежде всего угля)². В 2022 г. Партнерство объявило о поддержке Вьетнама и Индонезии в объеме 15,5 млрд долл. и 20 млрд долл. соответственно. На 27-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата было принято решение о создании Фонда для возмещения потерь и ущерба, который будет компенсировать развивающимся странам ущерб, нанесенный стихийными бедствиями. К началу 2024 г. объем Фонда составил 700 млн долл.³. Однако требуется время для оценки эффективности и операционализированности предлагаемых мер. Отметим, что в 2009 г. политические обязательства по климатическому финансированию к 2020 г. (позже перенесены на 2025 г.) составляли 100 млрд долл. ежегодно [UNCTAD 2023c].

Несмотря на внимание мирового сообщества, особенно в ЕС, к климатической повестке, последний доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата подчеркивает, что человечество по-прежнему далеко от реализации цели сдерживания температуры даже на 2°C: при прочих равных прирост температуры к 2100 г. может составить более 2,5°C [IPCC 2023]. В период с 2016 г. по 2030 г. разница между взятыми на себя бизнесом и государствами обязательствами и инвестициями, необходимыми для достижения нулевого уровня выбросов к середине века, превысит 1,6 трлн долл. ежегодно [IEA 2021]. Отметим, что при сохранении текущего уровня выбросов эта разница будет только увеличиваться по мере приближения к критическим точкам роста температуры. Наконец, наблюдается диспропорция в инвестициях, направляемых на борьбу с изменением климата (mitigation) и адаптацию к нему (adaptation). Дальнейшая борьба с изменением климата потребует значительного увеличения не только государственных, но и частных инвестиций, развития технологий (водородной энергетики, технологий улавливания и хранения углерода и др.), а также изменения поведенческих привычек потребителей.

Данная работа не направлена на оценку достижений человечества на пути борьбы с изменением климата, однако уже сегодня можно говорить о последстви-

² Kramer K. Just Energy Transition Partnerships: An opportunity to leapfrog from coal to clean energy // IISD. Dec. 7, 2022 / <https://www.iisd.org/articles/insight/just-energy-transition-partnerships>

³ Lakhani N. \$700m pledged to loss and damage fund at Cop28 covers less than 0.2% needed // The Guardian. Dec. 6, 2023 / <https://www.theguardian.com/environment/2023/dec/06/700m-pledged-to-loss-and-damage-fund-cop28-covers-less-than-02-percent-needed>

ях климатической повестки для мирового развития. Во-первых, приоритизация проблемы изменения климата, природа которой действительно глобальна, поскольку изменения затрагивают широкий круг стран, входит в противоречие с традиционными проблемами развития: борьба с бедностью, искоренение неравенства, ликвидация голода и др., характерными для развивающихся стран [Grigoryev, Medzhidova 2020]. Наличие предпочтений у стран-кредиторов (или доноров) вносит свои коррективы в распределение ограниченных финансовых ресурсов. Во-вторых, поскольку митигация тесно связана с внедрением возобновляемых источников энергии, этот вопрос становится частью торгово-промышленной политики и обостряет конкуренцию между странами⁴. В-третьих, принятие мер, направленных на борьбу с изменением климата, требует высокого уровня координации как на уровне стран, так и на уровне международных институтов и глобальных фондов, что поможет избежать дубликации работы и позволит добиться синергетического эффекта. Наконец, недостаток в финансировании адаптационной политики и, как следствие, отсутствие в уязвимых к климатическим изменениям странах необходимой инфраструктуры в условиях роста числа стихийных бедствий может только усилить проблемы развития. В 2019/2020 гг. объем «климатического» финансирования составил 632 млрд долл., однако только 10% было направлено на адаптационные цели⁵, в то время как потребность в финансировании составляет 160–340 млрд долл. ежегодно до 2030 г. и 315–565 млрд долл. ежегодно в 2030–2050 гг. [UNEP 2022].

4. Цели устойчивого развития: проблема реализации на примере ЦУР 1

Реализация Целей устойчивого развития, решение проблем голода, бедности, отсутствия доступа к воде и энергии, материнской и детской смертности, неравенства и пр. трудно представимы без высоких темпов экономического роста в странах с доходом ниже среднего и с низким уровнем дохода.

Различия между странами являются более заметными при анализе отдельных показателей. В контексте реализации Целей устойчивого развития страны с низким уровнем дохода (26 стран) представляют наибольший исследовательский интерес. Так, ЦУР 1 – ликвидация нищеты – включает в себя несколько задач, в том числе сокращение доли населения, живущего в условиях нищеты во всех ее проявлениях, «по крайней мере наполовину»⁶. Статистические данные подтверждают существенный прогресс в борьбе с бедностью, который человечеству удалось достичь в XXI в.: число людей, живущих в условиях абсолютной бедности (меньше, чем на 2,15 долл./

⁴ Martina M. et al. U.S. bans imports of solar panel material from Chinese company // Reuters. Jun. 24, 2021 / <https://www.reuters.com/business/us-restricts-exports-5-chinese-firms-over-rights-violations-2021-06-23/>

⁵ Buchner B. et al. Global Landscape of Climate Finance 2021 // CPI. Dec. 14, 2021 / <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2021/>

⁶ Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty/>

день по ППС 2017 г.), удалось сократить с 1,8 млрд человек (29,3% мирового населения) в 2000 г. до 697 млн человек (9%).

В 2017 г. доля населения в мире, живущего в условиях абсолютной бедности, составляла 10,8%, а в 2020 г., по оценкам, это число возросло на 11%, составив 719 млн человек [World Bank 2022]. При этом группе стран с низким уровнем доходов, несмотря на высокий уровень среднегодового прироста ВВП в 2010–2019 гг., прирост ВВП на душу населения в этот период был отрицательным (см. таблицу 1 на с. 17) – из-за того, что прирост населения за обозначенный период был почти в два раза выше среднемирового.

Таблица 1. Показатели развития по группам стран с разным уровнем дохода, 2010–2019

	Мир	Страны с высоким уровнем дохода	Страны с доходом выше среднего	Страны с доходом ниже среднего	Страны с низким уровнем дохода
Валовый доход на душу населения, долл. США	—	>13205	4256–13205	1086–4255	<1085
Среднегодовой прирост ВВП, %	3,0	2,0	5,1	1,6	4,8
Среднегодовой прирост ВВП на душу населения, %	1,8	1,4	4,3	3,3	-1,1
Население, млрд человек, 2019	7743	1237	2753	3075	649
Среднегодовой прирост населения, %	1,2	0,5	0,8	1,5	2,7
Доля населения с доходом ниже 2,15 долл./день, 2019, %	8,5	0,7	1,8	11,1	45
Доля населения с доходом ниже 3,65 долл./день, 2019, %	24,1	0,8	7	39,9	72,1
Доля населения с доходом ниже 6,85 долл./день, 2019, %	46,9	1,7	26,6	77,3	92,2

Источник: составлено автором по данным Группы Всемирного банка.

Картина борьбы с бедностью, внешне успешная на глобальном уровне, в разрезе групп стран по уровню дохода имеет свою специфику. Так, несмотря на значительное снижение бедности в мире в целом, в группе стран с низким уровнем дохода среднегодовой ее прирост в 2011–2018⁷ гг. составил 2,3%. Более высокий прирост в обозначенный период (2011–2019) наблюдался только в странах с высоким уровнем дохода (2,6%), а общее число людей, живущих в условиях абсолютной нищеты в мире, составило 7,4 млн человек. Наиболее же существенное сокращение пришлось на страны с доходом выше среднего (среднегодовой темп

⁷ Данные за 2019 г. пока отсутствуют.

превысил 17%), прежде всего на Китай. Отметим, что в период с 1990 г. по 2015 г. Китай внес наибольший вклад в сокращение бедности, который составил 63,9%, а в 1990–2005 гг. его вклад превысил 93% [Wan, Hu, Liu 2021]. Таким образом, реализация ЦРТ, касающихся борьбы с бедностью, была бы недостижима без вклада Китая [Darvas 2019], однако в контексте достижения ЦУР 1 его вклад ограничен прогрессом, достигнутым ранее.

Более половины населения, живущего менее чем на 2,15 долл. в день, проживает в Африке южнее Сахары (см. рисунок 4 на с. 18). В межкризисный период здесь наблюдается сохранение и даже рост числа бедных. Другим важным регионом в данном контексте является Южная Азия, где число бедных в 2021 г. составило почти 208 млн человек, из которых более 167 млн проживало в Индии. Темпы экономического роста Индии и текущие прогнозы позволяют предположить реализацию сценария, похожего на китайский, с резким сокращением числа бедных. Вместе с тем пока сложно сказать, позволит ли прогресс в Индии добиться достижения ЦУР 1 в глобальном масштабе или же потребуются значительная интенсификация борьбы с бедностью в других регионах мира, прежде всего в Африке.

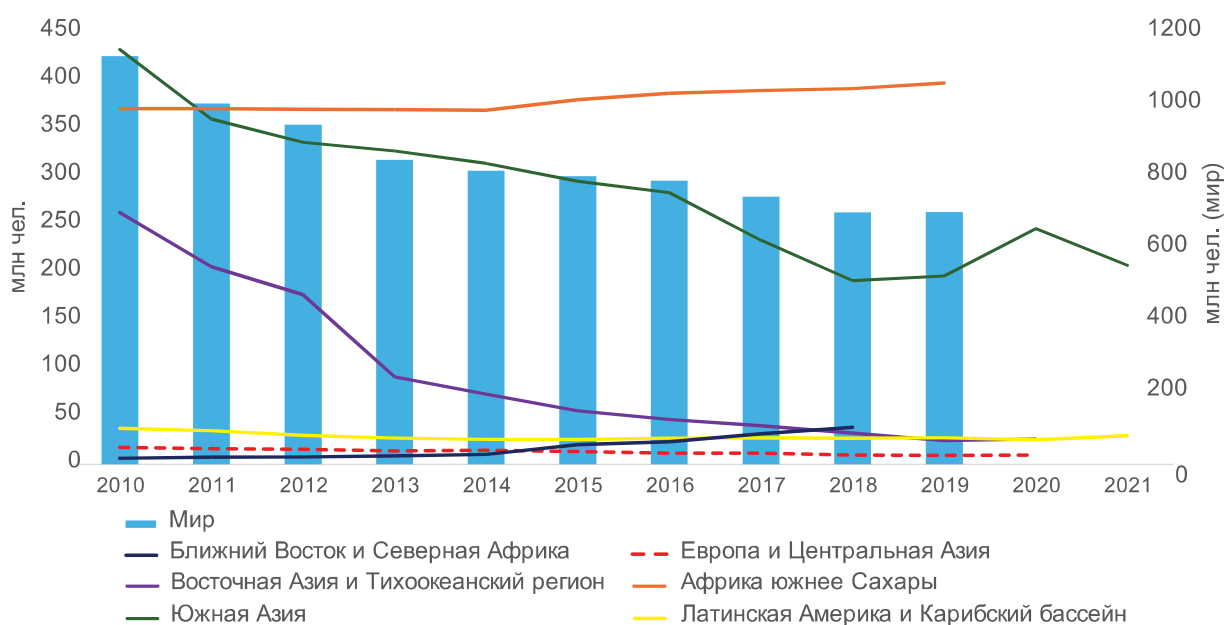

Рисунок 4. Население, живущее в условиях абсолютной бедности (по ППС 2017 г.)

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

Ситуация в Африке южнее Сахары более сложная по ряду причин. Поскольку регион является важнейшим не только в части ликвидации бедности, но и в части других ЦУР, мы остановимся на этом вопросе подробнее. Африка страдает от хронической нехватки инвестиций: в 2022 г. объем прямых иностранных инвестиций в мире составил 1,3 трлн долл., а в Африке южнее Сахары – лишь 30 млрд долл. Morrissey (2012) отмечает, что даже те инвестиции, которые поступают в регион, не создают существенных предпосылок для экономического роста как по внутренним

причинам (низкий уровень человеческого капитала, неразвитые финансовые рынки, низкая производительность капиталовложений, слабые институты, высокий уровень коррупции), так и ввиду особенностей инвестиций: они не имеют позитивных экстерналий, поскольку не направлены на формирование промышленной базы в регионе.

Кроме того, государственный долг в регионе увеличился с 30% ВВП в 2013 г. до 60% ВВП к концу 2022 г.⁸. Наблюдается рост стоимости обслуживания долга, что сокращает возможности стран заимствовать на внешних рынках средства, необходимые для инвестиций в развитие, и все больше увеличивает зависимость от помощи развитию со стороны международных банков развития и на двусторонней основе. Вместе с тем потребности в инвестициях продолжают расти. Финансирование необходимо, в числе прочего, для строительства инфраструктуры (транспортных коридоров), индустриализации, развития локальных производств, поддержки систем здравоохранения и образования, адаптации к изменениям климата, развития и расширения сельского хозяйства. Борьба с бедностью (как и повышение инвестиционной привлекательности) также напрямую связана с институтами, формирование которых является длительным процессом, требующим поддержки региональных элит и местного населения. Наконец, для стран региона характерен высокий уровень многомерной бедности, то есть абсолютная бедность сочетается с отсутствием доступа к водоснабжению и канализации, услугам в сферах здравоохранения и образования. Так, в Бурунди доля населения, находящегося в условиях многомерной бедности, составляет 85,2%, в Южном Судане – 84,9%, на Мадагаскаре – 82,9%, в Нигере – 80%⁹.

Глобальная борьба с бедностью осложняется и тем, что, по оценке Всемирного банка, к 2030 г. 59% населения, живущего в условиях абсолютной бедности, будет находиться в постконфликтных и нестабильных странах¹⁰. Diwakar (2023) выделяет следующие факторы, ухудшающие благосостояние населения в таких условиях: шоки, перемещение людей (внутри страны или в другие страны), нестабильность (в контексте работы государственных институтов), безопасность, децентрализация власти. Подобный контекст создает дополнительные вызовы для ликвидации нищеты. Кроме того, он требует инвестиций в строительство институтов, предотвращение эскалации конфликтов, построение мирной жизни, что в среднесрочной перспективе до 2030 г. является комплексной и труднорешаемой задачей даже без учета внешних факторов, которые могут оказать еще более негативное влияние на эту группу стран.

Подводя итог, следует отметить, что реализация ЦУР 1 имеет региональную специфику, что осложняет ее решение ввиду как проблем, имманентных региону, так и ситуации в мировой экономике, которая оказывает прямое влияние на регион, уязвимый к макроэкономическим шокам. Достижение похожей цели в рам-

⁸ Comelli F. et al. How to Avoid a Debt Crisis in Sub-Saharan Africa // IMF. Sept. 26, 2023 / <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/09/26/cf-how-to-avoid-a-debt-crisis-in-sub-saharan-africa>

⁹ Данные Всемирного банка.

¹⁰ Fragility, Conflict & Violence // <https://www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/overview>

ках ЦРТ было в свое время во многом обусловлено успехами Китая, в нынешних условиях значимый вклад может внести Индия, однако отсутствие прогресса или ухудшение ситуации в Африке южнее Сахары может привести к тому, что реализация ЦУР 1 окажется под угрозой.

5. 2021 г.: конвульсивное новое восстановление?

В 2021 г. прирост мирового ВВП составил 6%, а его объем превысил докризисный уровень. Вместе с тем восстановление было неравномерным: производство товаров значительно опережало производство услуг, частично скованное еще существовавшими ограничениями на перелеты и рекреацию [Григорьев и др. 2021].

В последние годы мировая экономика столкнулась как с глобальным кризисом, вызванным пандемией, так и с кризисами на отдельных сырьевых рынках. Согласно оценкам ООН, в 2018 г. достижение Целей устойчивого развития к 2030 г. требовало ежегодных инвестиций в размере 3,3–4,5 трлн долл., однако на 2023 г. эта величина существенно выросла и колеблется в диапазоне 5,4–6,4 трлн долл.¹¹. Проблемы, стоящие перед мировым сообществом, обостряются. Изменение климата влечет за собой рост числа стихийных бедствий, включая наводнения и засухи, которые подрывают продовольственную безопасность в наиболее уязвимых регионах планеты. По оценкам ООН, число людей, столкнувшихся с голодом, в 2021–2022 гг. составило в среднем 735 млн человек, что на 122 млн человек больше, чем в докризисном 2019 г. [FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO 2023]. Число людей, не имеющих доступа к электроэнергии (проживающих преимущественно в странах с низким уровнем дохода), составило 675 млн человек в 2021 г., к чистым и безопасным видам топлива и технологиям приготовления пищи – 2,3 млрд человек [IEA, IRENA, UNSD, World Bank, WHO 2023]. Еще в 2019 г. уровень образовательной бедности в развивающихся странах составил 57%, а в 2022 г., по оценкам, возрос до 70%¹², что ведет к снижению доходов этого поколения на 10%. На полпути к достижению ЦУР всего по 15% из них работа идет по графику, а в 37% случаев прогресс отсутствует или сменился регрессом [United Nations 2023]. Подобная картина сигнализирует о необходимости скорейшей консолидации мирового сообщества для достижения глобальных целей развития, без чего успешной их реализации ожидать не приходится [Yuan et al. 2023].

В условиях обострившихся после пандемии глобальных проблем и угрозы невыполнения ЦУР ООН наблюдается увеличение «мирового» совокупного государственного долга, который в 2022 г. составил 92 трлн долл. На долю развивающихся

¹¹ Annual cost for reaching the SDGs? More than \$5 trillion // United Nations. Sep. 19, 2023 / <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2023/09/annual-cost-for-reaching-the-sdgs-more-than-5-trillion/#:~:text=The%20cost%20of%20achieving%20ambitious,UN%20economists%20said%20on%20Tuesday.>

¹² Learning in Crisis: Prioritizing education & effective policies to recover lost learning // World Bank. August 19, 2022 // <https://www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2022/09/16/learning-in-crisis-prioritizing-education-effective-policies-to-recover-lost-learning#:~:text=These%20learning%20losses%20are%20expected,have%20also%20been%20greatly%20affected.&text=The%20new%20estimate%20shows%20that,are%20now%20out%20of%20reach.>

стран приходится только 30%, из которых порядка 70% – на Китай, Индию и Бразилию. Но страны с низким уровнем доходов имеют более высокий показатель соотношения государственного долга к ВВП, что привело к увеличению числа стран, находящихся в долговом кризисе, с 22 в 2011 г. до 59 в 2022 г. [UNCTAD 2023a]. После мирового финансового кризиса государственный долг устойчиво рос на фоне низких процентных ставок, а в период коронакризиса наблюдалось наиболее значимое его увеличение, обусловленное фискальными и монетарными мерами, предпринимаемыми властями для поддержки населения и бизнеса [Makin, Layton 2021]. Так, в 2020 г. рост мирового государственного и частного долга составил 28%. Меняется и «долговой ландшафт»: число кредиторов увеличивается (в том числе кредиторов, не входящих в Парижский клуб), увеличиваются объемы нельготного долгового кредитования, а также объемы внутренней задолженности; используются новые долговые инструменты [Chuku et al. 2023]. Общий механизм урегулирования суверенной задолженности «Группы 20» (The G20 Common Framework for Debt Treatments) подвергается постоянной критике¹³, поскольку достижение долгового урегулирования через этот канал представляет собой затяжной процесс, а результата удалось добиться только одной стране. Парижский саммит по трансформации мировой финансовой архитектуры, прошедший в июне 2023 г., также не привел к значимым итогам, кроме объявления о реструктуризации долгов Замбии, объявившей дефолт еще в 2020 г. Таким образом, сложно сделать вывод об эффективности существующей системы в случае, если долговой кризис затронет множество стран со средним уровнем дохода [Essers, Cassimon 2021]. К примеру, в августе 2023 г. МВФ одобрил транш в размере 7,5 млрд долл. для Аргентины¹⁴, объем непогашенных кредитов которой перед организацией составляет более 31 млрд долл., или 28,2% от общего объема непогашенных кредитов¹⁵.

Как мы уже отмечали, важную роль в обострении глобальных проблем сыграл коронакризис, который негативно повлиял на перспективы реализации всех ЦУР. Cheng et al. (2021. P. 15–17) в своем анализе последствий пандемии обращают внимание на диспропорционально негативное влияние на наиболее уязвимые слои населения (отдельно взятых стран и группы наименее развитых стран) в части увеличения числа бедных, обострения проблемы продовольственной безопасности, здравоохранения, образования, гендерного неравенства и др. Авторы предлагают ряд мер, которые могут помочь в достижении ЦУР: объединить отдельные цели и максимизировать синергетический эффект достижения отдельных ЦУР, установить кратко- и долгосрочные приоритеты, укрепить глобальное сотрудничество, своевременно оценивать и прогнозировать процесс в достижении ЦУР и др. Несмо-

¹³ Georgieva K., Pazarbasioglu C. The G20 Common Framework for Debt Treatments Must Be Stepped Up. // IMF. Dec. 2, 2021 / <https://meetings.imf.org/en/IMF/Home/Blogs/Articles/2021/12/02/blog120221the-g20-common-framework-for-debt-treatments-must-be-stepped-up>

¹⁴ IMF Executive Board Completes the Combined Fifth and Sixth Reviews of the Extended Arrangement Under the Extended Fund Facility for Argentina // IMF. Aug. 23, 2023 / <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/08/23/pr23290-argentina-imf-executive-board-completes-combined-fifth-sixth-rev-extended-arr-under-eff>

¹⁵ Total IMF Credit Outstanding // <https://www.imf.org/external/np/fin/tad/balmov2.aspx?type=TOTAL>

тря на неоднородный прогресс (и регресс) на глобальном уровне, можно отметить, что в текущем виде Цели устойчивого развития едва ли будут достигнуты.

Вместе с тем мировое сообщество могло бы извлечь пользу из сложившейся ситуации: пересмотреть ЦУР с точки зрения ценности человеческого капитала [Бобылев, Григорьев 2021], формирования единой ясной консолидирующей повестки с приоритизацией отдельных ЦУР или формированием новых объединяющих ЦУР. Вне зависимости от деталей «переосмысленных» ЦУР, которым посвящен корпус работ зарубежных и отечественных исследователей, глобальная повестка в области ЦУР должна не только изменить дискурс мирового развития, сместив акценты, но и служить вполне реальной целью, достижимой в обозримой перспективе, а не умозрительной конструкцией наиболее желательного будущего.

Фактическая повестка 2023 г. радикально отличается от картины будущего с позиций 2015 г.: темпы экономического роста замедлились, на смену координации и партнерству пришла геофрагментация, суверенная задолженность развивающихся стран растет, лишая их доступа к финансовым ресурсам для самостоятельного решения внутренних проблем. Даже проблема изменения климата, несмотря на колоссальное внимание политиков, некоммерческих организаций, международных институтов и гражданского общества, остается все такой же острой. Наконец, влияние пандемии еще только предстоит оценить, но уже сегодня очевидно, что COVID-19 отбросил реализацию ЦУР на годы, если не на десятилетия назад. Последний доклад МВФ фиксирует новый тренд: среднесрочное замедление темпов роста развивающихся экономик замедляет конвергенцию между развитыми и развивающимися странами [IMF 2023], что не приближает решение глобальных проблем, от последствий которых в большей степени страдают страны со средним и низким уровнем дохода.

Заключение

Кризисы последних 15 лет оказали значимое влияние на мировое развитие. Мировой финансовый кризис во многом определил парадигму мирового развития на ближайшее десятилетие, в том числе формирование «Повестки-2030» ООН и развитие климатической повестки. Межкризисный период 2010–2019 гг., исследованию которого посвящена наша работа, имеет ряд отличительных характеристик, в числе которых низкие темпы роста (относительно предыдущих периодов), низкие процентные ставки, рост государственного долга в развивающихся странах, медленный прогресс или даже регресс в реализации глобальных целей (к примеру, рост нищеты в Африке южнее Сахары). Кроме того, наблюдается рост «конкуренции» между различными целями развития в условиях ограниченных ресурсов, в частности между целью борьбы с изменением климата и прочими целями, связанными с экономическим ростом и развитием в странах с низким уровнем дохода. Посткризисное восстановление замедлилось в условиях высокой инфляции, роста процентных ставок, высоких цен на сырьевые товары (прежде всего на продовольствие и топливо). Каждый год медленного прогресса или даже регресса достижения ЦУР означает необходимость интенсификации глобальных усилий в оставшийся

период, которая, в свою очередь, невозможна без значительного увеличения финансирования.

На половине пути к отчетному для Целей устойчивого развития 2030 г. прогресс остается скромным: достигнутые успехи по многим направлениям (борьба с бедностью, голодом, образовательной бедностью и др.) были перечеркнуты пандемией, и вероятность их достижения в поставленный срок при прочих равных крайне невелика. Середина пути – важная точка, подходящее время для того, чтобы задуматься не только о препятствиях к реализации ЦУР, но и о самой их природе. Требуется также переоценка текущих приоритетов: количественные показатели, связанные с экономическим ростом, не должны быть более значимыми, чем улучшение качества жизни и развитие человеческого капитала.

Библиография

Бобылев С. Н., Григорьев Л. М. В поисках новых рамок для Целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС (перевод с англ.: Белецкая М.Ю.) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. 13 (1). С. 25–51. Режим доступа: <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2021-13-1-25-51>

Григорьев Л. М. Влияние шоков 2020–2023 годов на деловой цикл // Современная мировая экономика. 2023. 1 (1). Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-8-32>

Григорьев Л. М., Ёлкина З. С., Медникова П. А., Серова Д. А., Стародубцева М. Ф., Филиппова Е. С. «Идеальный шторм» личного потребления // Вопросы экономики. 2021. 10. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50>

Григорьев Л. М., Павлюшина В. А., Музыченко Е. Э. Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. 2020. 5. С. 5–24. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>

Макаров И. А., Макарова Е. А. Звончек без последствий. Выученные и невыученные уроки Великой рецессии // Россия в глобальной политике. 2021. №1. Режим доступа: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-62-79>

Макаров И. А., Степанов И. А. Парижское климатическое соглашение: влияние на мировую энергетику и вызовы для России // Актуальные проблемы Европы. 2018. 1. С. 77–100.

Подругина А., Табах А. Финансовое регулирование в XXI веке. В кн.: Мировая экономика в период больших потрясений. М: ИНФРА-М, 2022. Гл. 11. С. 274–294.

Akerlof G. A., Shiller R. J. *Animal spirit: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism*. Princeton University Press, 2010.

Amin S. The millennium development goals – A critique from the South // *Monthly Review – an Independent Socialist Magazine*. 2006. 57(10). Режим доступа: <https://monthlyreview.org/2006/03/01/the-millennium-development-goals-a-critique-from-the-south/>

Audiguier C. The impact of the global financial crisis on the Least Developed Countries. FERDI Working Paper No 50. FERDI, 2012.

Babier E. B., Burgess J. C. Sustainability and development after COVID-19 // *World Development*. 2020. 135. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105082>

Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // *Journal of Political Economy*. 1992. 100 (2). P. 223–251.

Bitzenis A., Vlachos V. Editorial: Foreign direct investment in the light of the recent crisis // *Global Business and Economics Review*. 2016. 18 (2). P. 115–123.

Bordo M. D. An historical perspective on the crisis of 2007-2008. National Bureau of Economic Research, 2008. Working Paper 14569. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w14569/w14569.pdf

Borio C. The Covid-19 economic crisis: dangerously unique // *Business Economics*. 2020. 55. P. 181–190. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s11369-020-00184-2>

Bhagwati J. Time for a Rethink // *Finance & Development*. 2010. 47 (3). Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2010/09/pdf/23bhagwati.pdf>

Buklemishev O. Coronavirus crisis and its effects on the economy // *Population and Economics*. 2020. 4 (2). P. 13–17. Режим доступа: <https://doi.org/10.3897/poperecon.4.e53295>

Cabral R., Castellanos-Sosa F. A. Europe's income convergence and the latest global financial crisis // *Research in Economics*. 2019. 73 (1). P. 23–34. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.rie.2019.01.003>

Cheng Y., Liu H., Wang S., Cui X., Li Q. Global Action on SDGs: Policy Review and Outlook in a Post-Pandemic Era // *Sustainability*. 2021. 13. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su13116461>

Chuku C., Samal P., Saito J., Hakura D., Chamon M., Cerisola M., Chabert G., & Zettelmeyer J. Are We Heading for Another Debt Crisis in Low-Income Countries? Debt Vulnerabilities: Today vs. the pre-HIPC Era. IMF WP/23/79. IMF, 2023.

Crespo Cuaresma J., Fengler W., Kharas H. et al. Will the Sustainable Development Goals be fulfilled? Assessing present and future global poverty // *Palgrave Communications*. 2018. 4. P. 29. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/s41599-018-0083-y>

Darvas Z. Global interpersonal income inequality decline: The role of China and India // *World Development*. 2019. 121. P. 16–32. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.04.011>

Dornean A., Oanea D.-C. Impact of the Economic Crisis on FDI in Central and Eastern Europe // *Review of Economic and Business Studies*. 2015. 8 (2). P. 53–68.

Diep L., Martins F. P., Campos L. C., Hofmann P., Tomei J., Lakhanpaul M., Parikh P. Linkages between sanitation and the sustainable development goals: A case study of Brazil // *Sustainable Development*. 2020. 29 (2). P. 339–352. Режим доступа: <https://doi.org/10.1002/sd.2149>

Diwakar V. Ending extreme poverty amidst fragility, conflict, and violence. DEEP Thematic Paper 2. Data and Evidence to End Extreme Poverty Research Programme. Oxford, 2023. Режим доступа: <https://doi.org/10.55158/DEEPTP2>

Essers D., Cassimon D. Towards HIPC 2.0? Lessons from past debt relief initiatives for addressing current debt problems // *Journal of Globalization and Development*. 2022. 13 (2). P. 187–231. Режим доступа: <https://doi.org/10.1515/jgd-2021-0051>

FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2023. Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural–urban continuum. Rome: FAO, 2023. Режим доступа: <https://doi.org/10.4060/cc3017en>

Fukuda-Parr S. Reducing inequality – The missing MDG: A content review of PRSPs and bilateral donor policy statements // *IDS Bulletin-Institute of Development Studies*. 2010. 41 (1). P. 26–35. <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2010.00100.x>

Fukuda-Parr S., Greenstein J., & Stewart D. How should MDG success and failure be judged: Faster progress or achieving the targets? // *World Development*. 2013. 41. P. 19–30. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.06.014>

Grigoryev L. M., Medzhidova D. D. Global energy trilemma // *Russian Journal of Economics*. 2020. 6 (4). P. 437–462. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.58683>

Gocaj L., Meunier S. Time Will Tell: The EFSF, the ESM, and the Euro Crisis // *Journal of European Integration*. 2013. 35 (3). P. 239–253. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/07036337.2013.774778>

IEA. *World Energy Outlook 2021*. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021>

IEA, IRENA, UNSD, World Bank, WHO. *Tracking SDG 7: The Energy Progress Report*. Washington, DC: World Bank, 2023.

IMF. *Navigating global divergences*. 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

IPCC. *AR6 Synthesis Report. Climate Change 2023*. Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/>.

Ivashina V., Scharfstein D. Bank lending during the financial crisis of 2008 // *Journal of Financial Economics*. 2010. 97(3). P. 319–338. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2009.12.001>

Janoušková S., Hák T., Moldan B. Global SDGs Assessments: Helping or Confusing Indicators? // *Sustainability*. 2018. 10(5). P. 1540. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su10051540>

Johnson P., Papageorgiou C. What Remains of Cross-Country Convergence? // *Journal of Economic Literature*. 2020. 58(1). P. 129–175. Режим доступа: <https://doi.org/10.1257/jel.20181207>

Leonard M. D., Michaelides E. E., Michaelides D. N. Energy storage needs for the substitution of fossil fuel power plants with renewables // *Renewable Energy*. 2020. 145. P. 951–962. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.renene.2019.06.066>

Loayza N., Pennings S. M. *Macroeconomic Policy in the Time of COVID-19: A Primer for Developing Countries*. World Bank Research and Policy Briefs No. 147291. World Bank, 2020. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3586636>

Makin A. J., Layton A. The global fiscal response to COVID-19: Risks and repercussions // *Economic Analysis and Policy*. 2021. 69. P. 340–349. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2020.12.016>

McCulloch N., Sumner A. Will the Global Financial Crisis Change the Development Paradigm? // *IDS Bulletin*. 2009. 40. P. 101–108. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1759-5436.2009.00078.x>

Milanovic B. After the Financial Crisis: The Evolution of the Global Income Distribution between 2008 and 2013 // *Review of Income and Wealth*. 2022. 68 (1). Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/roiw.12516>

Morrissey O. FDI in Sub-Saharan Africa: Few Linkages, Fewer Spillovers // *The European Journal of Development Research*. 2012. 24. P. 26–31. Режим доступа: <https://doi.org/10.1057/ejdr.2011.49>

Omisore A. G. Attaining Sustainable Development Goals in sub-Saharan Africa; The need to address environmental challenges // *Environmental Development*. 2018. 25. P. 138–145. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2017.09.002>

Ötoker-Robe İ., Podpiera A. *The Social Impact of Financial Crises: Evidence from the Global Financial Crisis*. World Bank Policy Research Working Paper No. 6703. World Bank, 2013.

Oya C. Africa and the millennium development goals (MDGs): What's right, what's wrong and what's missing // *Revista De Economia Mundial*. 2011. 27. P. 19–33.

Pajarskas V., Jočienė A. Subprime Mortgage Crisis in the United States in 2007–2008: Causes and Consequences (Part I) // *Ekonomika*. 2014. 93 (4). P. 85–118.

Rogers F. H. The Global Financial Crisis and Development Thinking. World Bank Policy Research Working Paper No. 5353. World Bank, 2010.

Saith A. From Universal Values to Millennium Development Goals: Lost in Translation // *Development and Change*. 2006. 37 (6). P. 1167–1199. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2006.00518.x>

Stiglitz J. E. The Financial Crisis of 2007/2008 and its Macroeconomic Consequences. Initiative for Policy Dialogue Working Paper Series. Initiative for Policy Dialogue, 2009. Режим доступа: <https://doi.org/10.7916/D8QZ2HSG>

Stoddard O., Noy I. Fire-sale FDI? The Impact of Financial Crises on Foreign Direct Investment // *Review of Development Economics*. 2015. 19 (2). P. 387–99. Режим доступа: <https://doi.org/DOI:10.1111/rode.12149>

Tauber K., Van Zandweghe W. Why Has Durable Goods Spending Been So Strong during the COVID-19 Pandemic? // *Economic Commentary*. 2021. 16. Режим доступа: <https://doi.org/10.26509/frbc-ec-202116>

Wan G., Hu X., Liu W. China's poverty reduction miracle and relative poverty: Focusing on the roles of growth and inequality // *China Economic Review*. 2021. 68. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2021.101643>

World Bank. Poverty and shared prosperity 2022. Correcting Course. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/b96b361a-a806-5567-8e8a-b14392e11fa0/content>, <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1893-6>

Wu X., Fu B., Wang S. et al. Decoupling of SDGs followed by re-coupling as sustainable development progresses // *Nature Sustainability*. 2022. 5. P. 452–459. Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/s41893-022-00868-x>

UNCTAD, 2023a. A world of debt. A growing burden to global prosperity. Режим доступа: <https://unctad.org/publication/world-of-debt>

UNCTAD, 2023b. World Investment Report. United Nations.

UNCTAD, 2023c. Considerations for a New Collective Quantified Goal Bringing accountability, trust and developing country needs to climate finance. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/gds2023d7_en.pdf

UNEP. Adaptation Gap Report 2022. Режим доступа: <https://www.unep.org/resources/adaptation-gap-report-2022>

United Nations. Paris Agreement. 2015. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf

United Nations. The Sustainable Development Goals Report. 2023 Special Edition. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/#:~:text=According%20to%20the%20report%2C%20the,hindered%20progress%20towards%20the%20Goals>

Yuan H., Wang X., Gao L. et al. Progress towards the Sustainable Development Goals has been slowed by indirect effects of the COVID-19 pandemic // *Communications Earth & Environment*. 2023. 4. 184. Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/s43247-023-00846-x>